

Ю. С. Пятачков (Минск, Беларусь)

«...Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга...»

(А. С. Пушкин как полемист и критик)

Со временем представляется, что о «грациозном гении Пушкина» (по замечательному выражению *П. Я. Чаадаева (1794–1856)*) известно совершенно всё. Но, только умом постигая и проникая в глубинные основания сотворённого А.С. Пушкиным, понимаешь снова и снова, как непостижим вселенский космос, так непостижим и весь Пушкин. В который раз открывается в нём то, что до сих пор остаётся нетронутым, непонятым, девственным, непрочитанным. В этой работе нам хотелось бы обратить некоторое внимание на пристальный интерес и увлечённость великого кучерявого мага вопросами, непосредственно его занимавшими и всегда увлекавшими его универсальный, жаждущий всего нового ум: на вопросы адекватного владения Искусством Слова теми, кто вдохновлён богами и «кто крепко словом правит». Мы обратим внимание на значительные предложения, сделанные в этом направлении великим зачинателем русского художественного языка в литературной полемике и критике. Ведь, именно разбирая по крупицам, что есть просто неподъёмный труд сам по себе, всё многообразие того, что он предложил и сделал, мы приближаемся к истинному пониманию пушкинского оригинального искусства. Поэтому исходной точкой отсчёта для наших раздумий послужили мысли внимательного и не менее взыскательного *С. Я. Маршака (1887–1964)*, отметившего: «...В его журнале «*Современник*»¹ нет случайных компромиссных статей. Каждая напечатанная там вещь, – будь это повесть, или заметка, или рецензия, – прокладывает дорогу новым видам литературного искусства. Литературу он понимал так широко, как не понимал почти никто из людей его поколения. Он считал прямым делом

---

¹ Создававшийся А. С. Пушкиным по образцу трёхмесячных Эдинбургских литературных обозрений (Reviews).

литератора занятие историей, географией, этнографией. *Всё, за что брался Пушкин, сразу становилось искусством...*» [1, с. 385–391]. В этом смысле этот грандиозный гений интересен во всех аспектах: чтобы браться за то, за что уже взялся, достигни в этом хотя бы небольшого успеха, в пушкинском случае – неимоверного совершенства, филигранной *точности* и того, за что так ратовал Пушкин-публицист и полемист, *краткости* (набросок 1822 года «*О прозе*»).

Да, А. С. Пушкин в своей публицистической, критической и полемической деятельности известен под по-своему невероятной маской Феофилакта Косичкина. Интересно, что под этой маской, возникшей неслучайно ввиду жгучей и непрестанно кусающейся *суки цензуры*, как её сам называл А. С. Пушкин, он высказывал весьма смелые, неординарные и воистину далеко идущие суждения. Прежде всего, о деятельности критика, должного быть мастером по работе с художественным словом. Но ведь Пушкин занимался критикой не только в отношении чужих, не им написанных, художественных текстов, мыслей, суждений, измышлений, абреже, но и весьма часто комментировал самого себя, занимался автокомментированием. Обширная переписка А. С. Пушкина с друзьями, с женой, со многими издателями снова и снова это подтверждает. Чтобы не быть голословным хочется обратить внимание на самые концептуально важные в этом смысле мысли. В своей программной заметке по этому поводу он отмечает: «*Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы...* Не говорю о **беспристрастии** – кто в критике руководствуется чем бы то ни было кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими, корыстными побуждениями. *Где нет любви к искусству, там нет и критики.* Хотите ли быть знатоком в художествах? – говорит Винкельман. – Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях» [2]. Почему эти пушкинские мысли привлекли наше внимание? Прежде всего, потому, что ведь Пушкин и правда вряд ли кому-то не известен, скорее всего, не каждому понятен вполне и, видимо, не может быть

вполне понятен никому. Но, если спросить о Пушкине рядового обывателя, он, может быть, вспомнит его эдакую «обезьянистость» или, как выражались, его те самые «ужасные бакенбарды и дерзкий взор», горячность нрава, пристрастие к остротам, азартность, «французскость», кто-то, возможно, даже вспомнит о длинных пушкинских ногтях, кто-то скажет о часто возимом великим поэтом золотом напёрстке. Обо всём о чём угодно вспомнит обыватель, кроме того, каким вообще был Пушкин в жизни и каким он предстал в творчестве. «Где нет любви к искусству, там нет и критики», – провозглашает он. Значит, критик, в его понимании, как бы сопричастен к достижению того же самого совершенства, которое уже достигнуто художником, поэтому столь важно и критику ему соответствовать. А для этого просто необходимо любить искусство, которому он служит. Вот и спрашивается, можно ли отделить одно от другого: художника от живого, склонного к страстям человека? А. С. Пушкин оставался в творчестве самим собой, даже когда ему мешали это делать. Он умело, даже виртуозно, находил лазейки для выражения того, что хотел, не идя на поводу у тех, кто бы так этого желал, не идя на поводу, даже у самого царя. Вот снова некоторые пушкинские высказывания, которые это основательно подтверждают: «Ни на вас, ни на солнце нельзя взглянуть, не поморщившись» (в ответ на попытку смутить самого поэта), «Уединённая муза Закамских берегов, Ищи с умом союза, Но не пиши стихов» (в ответ на объёмную тетрадь стишков некоей казанской поэтессы, девицы А. А. Наумовой), «За ужином я, да Яков запер дверь оплошно – Так было мне, мои друзья, И кюхельбекерно, и тошно», «А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли» («Дневник» А. В. Никитенко), «Чёрт догадал меня родиться в России с душой и талантом» (письмо жене от 18 мая 1836 г.) и др. При всей невероятности таланта Пушкина подмечать ключевое, доминантное особенно это проявляется у него в тех работах, где, с одной стороны, великий поэт говорит о том, что его волнует и к чему он относится с нескрываемой симпатией, с любовью. И с другой стороны, где он вынужден

ругать, истинно критиковать, а порою даже выступать и с *антикритикой* (*критикой на критику*) и в некоторой степени выражать свою, мягко говоря, нелюбовь к тому, что его также сильно занимает. И в этом – весь Пушкин. Он никого не оскорбляет, скорее даже ругает, делает замечания по делу, по самому основанию, в самую точку, красиво, не обижая, не нанося прямых оскорблений. В этом отношении, конечно же, интересны две работы, в которых эти любовь и нелюбовь в пушкинской интерпретации значительно проявились. Первая статья, уже вышеупомянутая, более заметка о критике и вторая, с весьма любопытным названием – «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831). Живой, истинный, настоящий Пушкин часто теряется во всей множественности того, что о нём уже написано многими-многими исследователями, знатоками и пушкиноведами. О нём кто только ни писал. Но, читая независимо, самостоятельно всё то, что взято на вооружение рядом критиков и исследователей, любопытно рассматривать, слушать и вслушиваться в настоящего, истинного А. С. Пушкина-художника. Конечно, он разный, художник Пушкин. Поэтому у каждого из сказавших о нём о своём, свой, неповторимый, яркий, кем-то даже ненавидимый, но всегда не глупый, всегда открытый в своём стремлении истинно делать то, что ему нравится что его вдохновляет, что его волнует и занимает. Так что указанная работа особенно интересна как опыт той самой антикритики, которая была необходима. Не написать её Пушкин просто не мог, хотя бы потому она важна, чтобы «ЗАСТУПИТЬСЯ ЗА ДРУГА» А. А. Орлова. Отчего некоторые места в этой работе заслуживают быть приведенными полностью. «...Нет: рассердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, как истощив весь запас оскорбительных примечаний, обиняков, заграничных анекдотов и тому подобного... Таким образом, пересматривая на днях антикритику, подавшую мне случай заступиться за почтенного друга моего А. А. Орлова, напал я на следующее место: «Я решился на сие (на оправдание г. Булгарина) не для того чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у

него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов»... ..Кого же оцарапал сей мизинец?.. Просвещённый читатель уже догадался, что дело идёт обо мне, о Феофилакте Косичкине. *Всему свету известно, что никто постояннее моего не следовал за исполинским ходом нашего века...* Если **долг беспристрастия** требовал, чтоб я указывал иногда на недостатки разбираемого мною сочинения, то может ли кто-нибудь из гг. русских авторов жаловаться на заносчивость или невежество Феофилакта Косичкина? Может быть, по примеру г. Полевого, я слишком лестно отзываюсь о самом себе; я мог бы говорить в третьем лице и попросить моего друга подписать имя своё под сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками, и гг. русские журналисты, вероятно, не укорят меня в царланстве... ..*Я человек миролюбивый, но всегда готов заступить за моего друга;* я не похожу на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глаза выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: «Этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марает меня своим товариществом; но что делать? он человек деловой и расторопный» [3]

Итак, всё вышесказанное и продемонстрированное, пускай даже только штрихово, пунктирно, эскизно, всё равно свидетельствует о непревзойдённом гении А. С. Пушкина-критика и полемиста, умеющего быть деликатным, когда деликатность вроде бы совершенно и не уместна. Но мера сдержанности великого поэта – это ещё и свидетельство способности сказать по делу, не ради самого критического обозрения, но ради истинного мотивированного указания на неправоту. Именно взятые нами за образец работы говорят о Пушкине ещё нечто столь важное сегодня, что стирается и сходит на нет: об умении тактично сказать, чтобы не оскорбить, но только и всего выразить свою позицию, предложить свою точку зрения. Он – не только непревзойдённый человек, ценящий дружбу и людей, но и мастер, который знает цену тому бесценному, что иногда требует выражения, чтобы объяснить недальновидным и очевидно глупым. Любить,

дорожить и в слове, каким бы кратким и достоверным оно ни было, передавать все те мельчайшие нюансы смыслов, которые мы уже разучиваемся улавливать и тем более прочитывать в написанном, в этом, на наш взгляд, и есть весь А. С. Пушкин, ибо вот это и есть самое непознаваемое, что он не боится познать. Но именно это непознаваемое и привлекает исследователей, ибо снова со временем будет требовать более актуального осмысления и постижения. Ведь истинно совершенный в своём деле мастер всегда нуждается в такого рода познании и осмыслении.

Литература

1. Маршак, С. Я. О Пушкине, о детях и о детской литературе / С. Я. Маршак. Собр. соч. в 8 т. – М.: Художественная литература, 1971. – Т. 6. – С. 385 – 391.

2. Пушкин, А. С. Критика вообще. Критика наука / А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1027.htm>. – Дата доступа: 01.10.2016.

3. Пушкин, А. С. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем / А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1027.htm>. – Дата доступа: 01.10.2016.